

Соболев Юрий Викторович,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социальных наук ФГБОУ ВО «Сибирский государственный аэрокосмический университет им. М. Ф. Решетнёва», г. Красноярск

ysob@mail.ru

Историко-гносеологические пути рациональности и веры в эпоху Средневековья

Аннотация. В статье рассматривается проблема оформления мировоззренческого пространства в эпоху Средних веков и Нового времени. Предметом исследования является конгруэнция мистического и рационального (веры и разума) в рамках европейской онтогносеологии. Опираясь на наследие патристики, а также философско-антропологические и исторические штудии зарубежных и отечественных мыслителей, мы предприняли попытку реконструкции онтогносеологических исканий от античности до эпохи Просвещения, имеющих своим смысловым центром учение о логосе.

Ключевые слова: Логос, рацио, рационализм, рациональность, христианство, Христос, Ренессанс.

Раздел: (03) философия; социология; политология; правоведение; науковедение.

Сегодня, в начале третьего тысячелетия, проблема рациональности стоит чрезвычайно остро, причём не только философская рефлексия возводит её в степень ключевых проблем европейской культуры. Можно уверенно сказать, что внезапный поворот к вопросу о соотношении рациональности и веры не следствие поиска новых теоретических горизонтов проблемы, это вопрос, поставленный самой жизнью, а значит, и актуальность проблемы имеет практический характер.

В истории западноевропейской философии «рациональность» неизбежно связана с «разумностью» и «рационализмом» – не просто понятиями, выражающими доктринальный пафос новоевропейской эпохи, но, будучи явлениями, цементирующими культурно-историческую сердцевину всей европейской парадигмы, их вправе считать определяющими логику европейской культуры от античности до наших дней. И поэтому важно не просто избегать отождествления этих понятий, но более того – их разделять, так как их корреляция имеет глубокие корни в историко-культурном срезе. В чем же необходимость определения места «водораздела» в этом вопросе? Академик С. Аверинцев обосновывает важность различения понятий «рационализм» и «рациональность» так: «Мне бы хотелось как можно резче отделить это понятие (*рационализм* – курсив мой. – Ю. С.) в пределах моего материала от других понятий, прежде всего от понятия рациональности как свойства гомо сапиенс, от рассудочности и разумности, присущих еще гомеровскому Одиссею, потому что мне представляется чрезвычайно важным, что переход от рациональности к рационализму, т. е. от неформализованной рациональности к формализованной, от разумности как свойства гомо сапиенс к формированию техники самопроверки мысли, когда существуют такие вещи, как гносеологические проблемы, правила логики и т. д., – что переход этот никоим образом не плавный и не может быть описан как эволюция» [1].

Вера – понятие еще менее определённое, нежели «рациональность», несмотря на большую лексическую расхожесть. Проблемность термина видится в его чрезвычайной «размытости», причём «размытости» в двух фазах своего бытования одновременно – религиозной и обыденной. Так, например, учёному «принято» отказывать в

вере в его профессиональной деятельности; а человеку религиозному, так или иначе соотносящему свою жизнь с инобытием, авансом «выдаётся» общественный кредит сомнения в гносеологической «благонадёжности» и разумности. К сожалению, такое сложившееся устойчивое культурологическое противопоставление не способствует развитию трезвой аналитики, хотя современные гуманитарные исследования снимают с данного вопроса клишированные покровы, поясняя, что вера есть особый феномен, не сводимый ни к состоянию, ни к процессу, ни к явлению.

Обращает на себя внимание этимологическая вторичность понятия «рациональность», так как латинское *ratio* есть не что иное, как вольная калька с греческого *logos*, ведённая в оборот Цицероном. Это обстоятельство делает осмысление *логоса* неизбежным и важным для понимания исходных путей *рациональности*, переплетённых с последующими многочисленными историко-культурными вкраплениями. Продолжая этимологическое отступление, стоит указать на то, что и логос как понятийная единица не сводима к единому смысловому «якорю»; в авторитетном древнегреческом словаре И. Дворецкого слово *λόγος* имеет 34 гнезда значения, причём этот ряд в той или иной степени видится необходимым дополнением к значению первому.

Осмысление средневекового периода развития настоящей проблемы будет неполноценным без учёта двух обстоятельств.

Первое: положение, согласно которому вера не может обладать качествами достоверности и верифицируемости (новоевропейский *Mathesis universalis*), а значит, не может быть достойна и серьёзного изучения, является научно-сциентистским мифом, получившим популярность в эпоху Просвещения. К сожалению, часто забывается, что ставшая сегодня академической гносеологическая триада *разум – вера – знание* получает первые абрисы своего дискуссивного оформления не в XVII столетии, но уже в античности (вспомним Парменида)! А на заре христианской культуры ставится под вопрос *именно соотношение веры и разума* (важным обстоятельством является *факт признания* веры в качестве гносеологического инструментария, а не его игнорирование) в тех пределах понимания, в которых мы находимся по сей день. «Научное познание представляет собой один из аспектов культурного творчества, органически связанный с другими аспектами, влияющий на них и в свою очередь испытывающий их влияние. Особенно существенное воздействие на развитие науки оказывают религия и философия, в свою очередь глубоко между собою связанные, хотя эта связь далеко не всегда имеет характер гармонического согласия. Наука, первоначально вышедшая из лоно философии – достаточно вспомнить античную науку, – находится к религиозному сознанию своего времени в отношении притяжения-отталкивания» [2].

Второе: нельзя считать обоснованным утверждение (в свете рассмотренного выше), что на стыке парадигм (античной и христианской) вера была решительно воспринята в качестве универсального или конвенционального источника истины. Если вера, по меткому определению русского философа В. Соловьёва, заключается «в признании чего-либо истинным с такой решительностью, которая превосходит силу внешних фактических и формально-логических доказательств» [3], то вполне объясним резонанс внешне парадоксальной мысли Тертуллиана «Верую, ибо абсурдно» (II век)? Очевидно следующее: авторитет рациональной установки в христианской культуре был достаточно высоким (несмотря на принципиальный отказ повреждённому грехопадением разуму в качестве гносеологического мерила), хотя вопрос о её природе – инерциональной (заимствованной у античности) или имманентной (особенностью христианской доктрины) – остаётся открытым.

Несомненно одно: Благая весть из Иерусалима, событие, изменившее ход и логику мировой истории, – пришествие в мир Бога и Спасителя Иисуса из Назарета – не

стало удовлетворительным ответом ни на один из вопросов античного мира от Гераклита до Филона Александрийского, но в то же время разрешило их все. «А мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие» (1Кор. 1:23), – пишет апостол Павел в своем Послании. Слова апостола удивительно точно выражают суть сложившегося духовного конфликта, конфликта религиозного закона, рациональности и... *веры* (подробнее см.: Гал. 3:23–26). Ведь впервые в истории отчётливый призыв к вере – сознательный и определенный – возникает именно на страницах Нового Завета! Иудеи, находящиеся «под законом», ожидали Мессию – идеального правителя мира и спасителя нации, и слово «вера» не знало места в лексиконе ветхозаветного человека (уместно будет заметить, что в Пятикнижии Моисея слово «вера» не встречается ни разу!). У греков, чьё сознание было подчинено цикло-ритмичному логосу Судьбы (колесо Фортуны), фатальную предопределённость которой помогал объяснить разум, выступая скорее «организатором» практического мироустройства человека, мы тоже не находим лакуны для «света» веры (в лучшем случае можно обнаружить аксиоматическое допущение). Просвещённый Рим, отчизна гения администрирования, и вовсе был лишён подобных притязаний, и даже метафизика воспринималась патрицием с высоты уровня его классической образованности как нечто штудийно-банальное, сугубо теоретическое, место которой исключительно в стенах философских школ (валяжно брошенная реплика прокуратора Пилата «Что есть истина?» (Ин. 18:38) красноречиво говорит сама за себя).

Иисус Христос – Сын Божий, Слово Божие (именно «Логосом» ранние христиане предпочитали именовать Христа, праведно избегая определения «Сын» – одной из ипостасей Бога), которое «стало плотью», занимает центральное место в христианском вероучении, будучи его важнейшим духовным средоточием. «Бог, говоривший в старину через пророков, высказывается в Сыне – Своем подлинном духовном образе. В этом Сыне, в этом совершенном, интимном откровении сердца Отчего, Слово Божие исполняется, вочеловечивается, становится плотью: это уже не внешняя заповедь или обетование, не закон или пророчество, а полное осуществление, полное воплощение Слова Божия, видимое и осязаемое, живое. Такое откровение и осуществление Божества в мире и есть конечная цель, ради которой создан мир; эта истинная цель мира есть его “логос” – его смысл и разумное основание. “Сын Божий” есть альфа и омега, первое и последнее, Логос для эллинов и конечное откровение Божие, Мессия для иудеев» [4].

Первостепенная важность отождествления «Логоса» и «Христа» раскрывается достаточно точно филологическим путём. Еще одним из устойчивых значений «логоса» (λόγος) является понятие «учение». Прояснение этого нюанса снимает всевозможные исторические и культурные покровы с христианства: *Христос это и есть Учение* – «Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин.14:6). Таким образом, опыт христианского богословия поставил человека перед серьёзной дилеммой, перед «пределом» логоса – Логосом-Христом, объединившим в себе две природы, явив Небесное Царство юдоли земной. Можно сказать так: история учения о логосе, начавшаяся в античной Греции, оканчивается в Иерусалиме, оканчивается воплощением во Христе, и этот «воплощённый Логос» становится *очевидностью* – Богочеловеком, чего ни религиозная, ни философская интеллектуальная культуры древности помыслить и предугадать не могли. «Тем, кто знает христианство только внешне, оно кажется безнадёжно перегруженным ненужными подробностями. В действительности же, взятое в своих главных чертах, оно содержит чрезвычайно простое и изумительно смелое решение мира», – спустя два тысячелетия скажет французский философ и теолог П. Тейяр де Шарден [5].

Впрочем, диктат рациональной установки («победа разума») выглядит весьма последовательным в историческом преобразовании евангельской вести в тип цивилизации; поэтому три первых века новой эры можно рассматривать как уникальный культурный «зазор» между окончанием эпохи *логоса* и началом эпохи *рацио*. В самом деле, разве могли предположить первые мыслители Милета и Элеи или странствующие шраматы индийского полуострова, поддавшиеся порыву страстной алчбы разумно осмыслить сущее, что весь многовековой потенциал разума, накопленный под сенью мудрости, окажется не-способным, да и не вполне ум-естным перед лицом воплощенной Истины? Прекрасной иллюстрацией тому может служить известная притча «Великий инквизитор» Ф. Достоевского, редкое по силе своего замысла и воплощения произведение, в котором главный герой выступает олицетворением рационального ига, довлеющего над человеком и отвергающего истину, которая «мешает» людям в их устоявшейся гносеологической механике предсказуемости «разумного» мироустройства. «Без *твёрдого представления* себе, для чего ему жить, человек не согласится жить и скорей истребит себя, чем останется на земле, хотя бы кругом его всё были хлебы», – убеждает своего узника Инквизитор [6]. Укоряя собеседника и настаивая на собственной правоте (мы «исправили подвиг твой»), кардинал-иезуит – в изложении философа В. Розанова – понимает, что «от этого несоответствия требований и способностей, идеала и действительности человек должен оставаться вечно несчастным: только немногие, сильные духом, могли и могут спастись, следуя Христу и понимая тайну искупления. Таким образом, Христос, отнесшись к человеку с столь высоким уважением, поступил *“как бы вовсе не любя его”*. Он не рассчитал его природы и совершил нечто великое и святое, но вместе *невозможное, неосуществимое*»; «так-то произошло в истории это необъяснимое и глубокое явление, по которому у “неимущего отнялось и имущему прибавилось”» [7].

Следует очевидное: популярная с эпохи Просвещения спекуляция на «нетерпимом» противостоянии выглядит в этом свете не вполне основательной, а известная нам сегодня дилемма, иным именем которой является конфронтационная идиома «наука и религия», была порождена как раз *развитием вероучения*, завершившейся «изоляцией» этого вероучения *рациональными* системами теологии, которая произошла на исходе Средних веков (Ренессанс) (посему не случайно в «свидетельстве о рождении» современной науки значится её «колыбель» – Западная Европа XVI–XVII веков!). Но прецедент, спровоцировавший эту гносеологическую баталию, всё же был. И заключался он в событии на первый взгляд рядовом – постановке *прямого вопрошания* соотношения веры и разума. Если в первые века становления христианства (а в греко-византийской традиции на всем протяжении до XIII–XIV веков – полемики гуманистов и исихастов) вопрос о месте разума и его паритете с верой присутствовал лишь в «естественной установке» (выражаясь феноменологической лексемой), то «эпоха учёности» – схоластика, ставя вопрос «в лоб», помещает эту проблему в поле *рефлексии*. «Включение» её в действие в качестве действующего объекта ознаменовало собой автоматическую утрату статуса «эпохи» и начало претензии на *одно-значность*, которая в конечном итоге вылилась в доминантность, вытеснив на периферию прочие объекты взаимодействия (эта идея блестяще раскрывается на уровне семиотической теории в работах французского философа Р. Барта). Попав однажды под прицел интеллектуального анализа, вопрос «веры-и-разума» окончательно оказался под прессингом рациональной доминанты – *рационализма*.

Таким образом, если интерпретировать логос как метафизически-целостный закон, взятый в качестве необходимого условия *экзистенциально-сбалансированной* и

мыслящей культуры, то, прилагая его к известным историческим эпохам, мы обнаружим, что начиная со Средневековья этот закон оказывается постепенно погребаемым под «новостройкой» прогрессивной просветительской мысли европейских деятелей; впрочем, и от бремени исторической памяти о логосе «вектор» Просвещения избавиться тоже не смог – тому подтверждение работы С. Кьеркегора, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше. Если понимать логос в духе новозаветного учения как Богочеловека Иисуса Христа, то сначала, в лице схоластики, «христианство не вошло еще внутрь мысли» (Н. Бердяев), а затем и волна Реформации окончательно «вымыла» логос из новоевропейской жизни, поставив её представителей в оппозицию/вне Церкви. Эра полуторатысячелетнего «кружения» вокруг логоса завершились «выходом» за пределы известной, но, как оказалось, непознанной орбиты. Отчасти поэтому пафос Ренессанса, формально облечённый в гуманитарные ризы, остался нереализованным из-за неспособности к «самовозрождению», породив чуждые интуиции логоса «экспонаты»: «сначала робко и неуверенно, потом все сильнее и самоувереннее, снова пробуждается стремление к самому познанию; оно первоначально проявляется в тех областях, которые всего более удалены от неприкосновенных принципов веры, но в конце концов оно неудержимо прорывается во все сферы; наука начинает обособляться от веры, философия от богословия» [8].

Таким образом, всматриваясь в картину Средневековья, мы вынуждены диагностировать в поздний период эпохи нарастающий диктат когнитивной установки того, что чуть позднее будет названо *новоевропейским рационализмом*.

Подводя итоги, заключим:

- вопрос о соотношении *веры и разума* в тех пределах понимания, в которых мы находимся по сей день, возникает в рамках христианской культуры;
- авторитет рациональной установки в раннехристианской культуре достаточно высок, хотя вопрос о её природе инерциональной (заимствованной у античности) или имманентной (особенность христианской доктрины) остаётся открытым;
- история учения о логосе, начавшаяся в античной Греции, оканчивается в Иерусалиме учением о Христе (Христос-Логос), и этот «воплощённый Логос» становится *очевидностью* Богочеловеком;
- диктат рациональной установки («победа разума») в последующем преобразовании евангельской вести в образ культуры видится весьма последовательным и неизбежным; а первые века новой эры нужно рассматривать как уникальный культурный «зазор» между окончанием *эпохи логоса* и началом *эпохи рацио*;
- дилемма «конфликт науки и религии» порождается *развитием вероучения*, завершившегося «изоляцией» самого вероучения *рациональными* системами теологии, на исходе Средних веков в эпоху Возрождения.

Ссылки на источники

1. Аверинцев С. Два рождения европейского рационализма // Человек в системе наук. – М., 1989. – С. 332–342.
2. Гайденко П. П. Научная рациональность и философский разум. – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 528 с.
3. Соловьёв В. С. Вера // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. – СПб., 1896. – Т. 6. – С. 98.
4. Трубецкой С. Н. Учение о логосе в его истории. – М.: Издательство АСТ; Харьков «Флио», 2000. – 493 с.
5. Тейяр де Шарден П. Феномен человека: сб. очерков и эссе. – М.: Издательство АСТ, 2011. – 553 с.
6. Достоевский Ф. Братья Карамазовы. – М.: Худож. лит., 1973. – 853 с.
7. Розанов В. О легенде «Великий инквизитор». – СПб.: ПетргУ, 1906. – 266 с.
8. Гайденко П. П. Указ. соч. – С. 222.

Yuriy Sobolev,

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Philosophy and Social Sciences chair, Siberian State Aerospace University named after M.F. Reshetnev, Krasnoyarsk

ysob@mail.ru

Historical and gnostic ways of rationality and faith in Middle Ages

Abstract. This article considers the problem of world outlook formation in Middle Ages and in New History. The object of the study is relation of mystical and rational (faith and mind) in the framework of European Ontognostics. Relying on the heritage of patristics, as well as philosophical, anthropological and historical studies of foreign and domestic scholars the author makes a reconstruction attempt of the ontognostical searches from antiquity to the Renaissance, where semantic "center" is the doctrine about logos.

Key words: logos, ratio, rationalism, rationality, Christianity, Christ, Renaissance.

References

1. Averincev, S. (1989). "Dva rozhdenija evropejskogo racionalizma", *Chelovek v sisteme nauk*, Moscow, pp. 332–342 (in Russian).
2. Gajdenko, P. P. (2003). *Nauchnaja racional'nost' i filosofskij razum*, Progress-Tradiciya, Moscow, 528 p. (in Russian).
3. Solov'jov, V. S. (1896). "Vera", *Jenciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Jefrona*, St. Petersburg, t. 6, p. 98 (in Russian).
4. Trubeckoj, S. N. (2000). *Uchenie o logose v ego istorii*, Izdatel'stvo AST, Moscow; "Flio", Har'kov, 493 p. (in Russian).
5. Tejjar de Sharden P. (2011). *Fenomen cheloveka: sb. ocherkov i jesse*, Izdatel'stvo AST, Moscow, 553 p. (in Russian).
6. Dostoevskij, F. (1973). *Brat'ja Karamazovy*, Hudozh. lit., Moscow, 853 p. (in Russian).
7. Rozanov, V. (1906). *O legende "Velikij inkvizitor"*, PetrGU, St. Petersburg, 266 p. (in Russian)
8. Gajdenko, P. P. (2003). Op. cit., p. 222.

Рекомендовано к публикации:

Горевым П. М., кандидатом педагогических наук, главным редактором журнала «Концепт»

Поступила в редакцию <i>Received</i>	06.04.17	Получена положительная рецензия <i>Received a positive review</i>	10.04.17
Принята к публикации <i>Accepted for publication</i>	10.04.17	Опубликована <i>Published</i>	30.05.17

www.e-koncept.ru

© Концепт, научно-методический электронный журнал, 2017

© Соболев Ю. В., 2017